

Петра III Екатерина излагает свои заботы о сохранении его жизни во время внезапно случившегося у него, хотя и ранее бывавшего, «геморроидического припадка» и зовет подданных без злобы отдать покойному последний долг: «всех верноподданных возбуждаем и увещеваем нашим императорским и матерним словом, дабы без злопамятствия всего прешедшего с телом его последнее учинили прощание и о спасении души его усердные к Богу приносили молитвы». Весь этот манифест проникнут очевидным лицемерием страха.¹

Так, все учитывая, манифест выводил своего автора на широкий простор самодержавной политики. Фикция избрания народом, к которой он прибегал, чтобы оправдать переворот, была только фикцией, — не более. Ее литературные корни — в аналогичных манифестах Елизаветы, которой все заверения в избрании никогда не мешали быть самодержицею. Можно было предвидеть, что ею будет и новая императрица. На другой же день, в манифесте от 7 июля о коронации Екатерина подчеркнула, что «восприняла.. престол.. самодержавно».²

Совершенно несомненно, что М. В. Ломоносов писал свою оду 1762 г. Екатерине II с учетом и под живым впечатлением ее манифестов от 28 июня и 6 июля. Об этом говорит не только тематика оды, но и сходство между нею и манифестом 6 июля в отдельных выражениях и образах. Не приводя сейчас здесь подробного строчного сопоставления оды с манифестами, сошлюсь на общеизвестные наблюдения М. И. Сухомлинова.

¹ Интересно отметить еще, что в указе сенату от 29 июня Екатерина, излагая те же соображения, ничего не говорит ни о своей боязни за находившихся в Ораниенбауме придворных, ни о своем человеколюбии, по которому-де она была способна на уступки и даже примирение, ни о совете «знатных верноподданных» об ответе Петру III на его «письмо». «Осмнадцатый век», IV, стр. 215.

² «Осмнадцатый век», IV, стр. 220 и 223. Манифест Елизаветы от 25 ноября 1741 г. говорит от ее имени: «все наши, как духовного, так и светского чина верные подданные, а особливо лейб-гвардии наши полки, всеподданнейше и единогласно нас просили, дабы мы... отеческий наш престол всемилостивейше воспрять соизволили», — что, действительно, Елизаветой и было учинено, как выражается от ее имени манифест, по их всеподданнейшему наших верных единогласному прошению». ПСЗ, XI, стр. 537—38. В Манифесте же от 28 ноября Елизавета также говорит, что всемилостивейше воспрять соизволила «родительский.. престол», «по всеподданнейшему.. всех.. верноподданных а наипаче я особливо лейб-гвардии.. полков прошению». ПСЗ, XI, стр. 543.